

стому, а Боало-Депро всех язвить и лучше себя: но оба сии нашему языку не научат».

Конечно, Тредиаковский сам переводил Буало, о котором он печатно изъяснялся с величайшим почтением и восхищением («Все, что ни сочинял Боало, есть исправное и удивительное, но наука его пиитическая, кажется, перед всем находится превосходная...» — предисловие к «Сочинениям и переводам, как стихами, так и прозою», 1752). Мало того, он заимствовал у него немало в своей оде на взятие Гданска. Заимствовал он и у других, конечно, и заимствовал открыто, потому что и он был причастен концепции «образцов» и единоспасительной нормы прекрасного в искусстве, но опять здесь важно то, что в его критических устремлениях пробиваются черты нового, уже внеклассического мышления. Такова же позиция Тредиаковского при анализе существа трагедий Сумарокова. Порицая в «Хореве» то, что герой у Сумарокова «обагрил пред всеми театр», т. е. закололся на сцене, он пишет, опять обнаруживая независимость от ферулы французских образцов: «Не извольте, прошу мне говорить,⁴ что окровавляется сцена и во французских трагедиях, будто б не было многих из французских трагедий против правил». То же и в конце статьи, когда Тредиаковский осуждает плачевную развязку «Хорева», в которой гибнут добродетельные герои: «Знаю, что автор пошлетя на многие французские трагедии, в которых равный же конец делается добродетели. Но я доношу в ответ, что как исправностям французских трагедий подражать не худо, так следовать их порокам не должно: надобно делать так, как надлежит, а не так, как многие делают. Я все те французские трагедии ни к чему годными называю, в которых добродетель погибает, а злость имеет конечный успех». Едва ли надо напоминать, что своим суждением Тредиаковский объявлял «ни к чему годными» значительное большинство трагедий французского классицизма, знаменитейшие творения Корнеля, Расина и Вольтера. При этом он явственно солидаризуется с тенденциями раннесентиментальной морализующей эстетики, именно требовавшей торжества добродетели на сцене (не случайно то же требование предъявил трагедии⁷ через сорок лет теоретик передового крыла русского сентиментализма Плавильщиков).

Подводя итог своим нападениям на Сумарокова, Тредиаковский уточняет и требования, предъявляемые им к русскому поэту. Первые его требования связаны именно с идеей национальной филологической традиции: «Толикие недостатки и толь многие как в речах порознь, так и вообще в сочинении проистекают из первого и главнейшего сего источника, именно ж, что не имел в малолетстве своем автор довольного чтения наших церковных книг, и потому нет у него ни обилия избранных слов, ни навыка

⁴ Статья написана в форме письма к приятелю.